

Любовь — эпизод 3 из 3

Все шьющие встречали меня радостным криком, но тотчас же выпроваживали в столовую, где я не мог мешать и видеть то, что позволено видеть только мужьям. Скрепя сердце, я должен был сидеть в столовой и беседовать с приживалкой Пименовны. Саша, озабоченная и встревоженная, то и дело пробегала мимо меня с наперстком, мотком шерсти или с другой какой-нибудь скукой.

Погоди, погоди... Я сейчас! говорила она, когда я поднимал на нее умоляющие глаза. Представь, подлая Степанида в барежевом платье весь лиф испортила! И, не дождавшись милости, я злился, уходил и прогуливался по тротуарам в обществе своей жениховской палочки. А то, бывало, захочешь погулять или прокатиться с невестой, зайдешь к ней, а она уже стоит со своей маменькой в передней совсем одетая и играет зонтиком.

А мы в пассаж идем! говорит она. Нужно прикупить еще кашемиру и шляпку переменить.

Пропала прогулка! Я привязывался к барыням и шел с ними в пассаж.

Возмутительно скучно слушать, как женщины покупают, торгуются и стараются перехитрить надувающего лавочника. Мне стыдно делалось, когда Саша, переверочав массу материи и сбавив цену *ad minimum*, уходила из магазина, ничего не купив или же приказав отрезать ей копеек на 4050.

Выйдя из магазина, Саша и маменька с озабоченными, испуганными лицами долго толковали о том, что они ошиблись, купили не того, что следовало купить, что на ситце слишком темны цветочки, и т. д.

Нет, скучно быть женихом! Бог с ним!

Теперь я женат. Сейчас вечер. Я сижу у себя в кабинете и читаю. Позади меня на софе сидит Саша и что-то громко жует. Мне хочется выпить пива.

Поищи-ка, Саша, штопор... говорю я. Тут он где-то валяется.

Саша вскакивает, беспорядочно роется в двух-трех бумажных кипах, роняет спички и, не найдя штопора, молча садится... Проходит минут пять десять... Меня начинает помучивать червячок и жажда, и досада...

Саша, поищи же штопор! говорю я.

Саша опять вскакивает и роется около меня в бумагах. Ее жеванье и шелест бумаги действуют на меня, как лязганье потираемых друг о друга ножей... Я встаю и сам начинаю искать штопор. Наконец он найден и пиво откупорено. Саша остается около стола и начинает длинно рассказывать о чем-то.

Ты бы почитала что-нибудь, Саша... говорю я.

Она берет книгу, садится против меня и принимается шевелить губами... Я

гляжу на ее маленький лобик, шевелящиеся губы и задумываюсь.

Ей двадцатый год... думаю я. Если взять интеллигентного мальчика таких же лет и сравнить, то какая разница! У мальчика и знания, и убеждения, и умишко.

Но я прощаю эту разницу, как прощаю узенький лобик и шевелящиеся губы... Бывало, помню, в дни моего ловеласничества я бросал женщин из-за пятна на чулке, из-за одного глупого слова, из-за нечищенных зубов, а тут я прощаю всё: жеванье, возню со штопором, неряшество, длинные разговоры о выеденном яйце. Прощаю я почти бессознательно, не насилуя своей воли, словно ошибки Саши мои ошибки, а от многого, что прежде меня корбило, я прихожу в умиление и даже восторг. Мотивы такого всепрощения сидят в моей любви к Саше, а где мотивы самой любви право, не знаю.